DOI: 10.22394/2070-8378-2018-20-5-10-17

Основной закон в произведениях искусства

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА ПАВЛЕНКО, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения»
Институт государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 84). E-mail: em.pavlenko@migsu.ranepa.ru

Аннотация: В статье рассматривается влияние идей конституционализма на материальную и духовную культуру российского общества в контексте его исторического развития. Исследуя артефакты материальной и духовной культуры, автор отмечает, что отражение в них идей конституции свидетельствует о формировании в обществе определенного уровня правосознания.

В работе ставится вопрос: изменилось ли конституционное правосознание российского общества после принятия в 1993 году новой конституции? Находит ли оно отражение в современной культуре? Автор приходит к выводу о том, что в России пока нет устойчивого, не вызванного к жизни той или иной политической доктриной, конституционализма, который поддерживал бы сам себя с помощью механизмов культуры.

Среди фундаментальных идей, оказавших влияние на развитие нашей страны, как и большинства других стран мира, важное место занимает конституционализм. Несмотря на то, что первая российская конституция появилась более ста лет назад, а в декабре 2018 года отмечается 25 лет со дня принятия действующей конституции, осуществление идеи конституционализма обнаруживает большие преграды. С чем они связаны? На этот вопрос помогают ответить артефакты материальной и духовной культуры: книги, кинофильмы, памятники, плакаты, почтовые марки, открытки, песни и др.
Ключевые слова: конституция, конституционализм, конституционное правосознание, общество, искусство, агитация, культура

Статья поступила в редакцию 3 октября 2018 года.

Павленко Е.М. Основной закон в произведениях искусства. *Государственная служба.* 2018. № 5. С. 10–17.

CONSTITUTION IN WORKS OF ART

EVGENIYA M. PAVLENKO, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Chair of State and Legal Disciplines of 'The School of Law'
Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119606). E-mail: em.pavlenko@migsu.ranepa.ru

Abstract: The article discusses the influence of the ideas of constitutionalism on the material and spiritual culture of Russian society in the context of its historical development. Studying the artifacts of material and spiritual culture, the author notes that the reflection of the ideas of the Constitution in them testifies to the formation of a certain level of legal consciousness in society.

The paper raises the question: has the constitutional legal awareness of the Russian society changed after the adoption of the new Constitution in 1993? Is it reflected in modern culture? The author comes to the conclusion that in Russia there is no stable, not brought to life by this or that political doctrine, constitutionalism, which would support itself with the help of cultural mechanisms.

Among the fundamental ideas that have influenced the development of our country, as well as most other countries of the world, an important place is occupied by constitutionalism. Despite the fact that the first Russian Constitution appeared more than a hundred years ago, and in December 2018 marks the 25th anniversary of the adoption of the current Constitution, the implementation of the idea of constitutionalism reveals great obstacles. What are they? Artifacts of material and spiritual culture help to answer this question: books, movies, monuments, posters, postage stamps, postcards, songs, etc.
Keywords: Constitution, constitutionalism, constitutional legal consciousness, society, art, agitation, culture

The article was received on October 3, 2018.

Pavlenko, E. M., Constitution in works of art. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2018. № 5. P. 10–17. In Russian

Введение

Историю идей и их влияние на развитие общества проще всего проследить по тем следам, которые они оставляют в материальной и духовной культуре. Сам по себе тот или иной концепт нематериален, однако в произведениях искусства он обретает плоть, находит символическую форму для своего выражения. По степени проявленности идеи в культуре, можно сделать вывод о том, в какой среде и в какое время она находила наибольший отклик.

Среди фундаментальных идей, оказавших влияние на развитие нашей страны, как и большинства других стран мира, важное место занимает конституционализм [Gerstenberg, 2012. P. 906–910]. Несмотря на то, что первая российская конституция появилась более ста лет назад, а в декабре 2018 года отмечается 25 лет со дня принятия действующей конституции, осуществление идеи конституционализма обнаруживает большие преграды. С чем они связаны? На этот вопрос помогают ответить артефакты материальной и духовной культуры: книги, кинофильмы, памятники, плакаты, почтовые марки, открытки, песни и др.

Понятие конституционализма многоаспектно. За ним стоит определенный взгляд не столько на устройство государственной власти, сколько на место человека в мире. Какова бы ни была конституция, она всегда ставит пределы власти, защищая автономию личности. Более того, поскольку важными гарантиями неизменности конституции являются элементы представительной демократии, конституционализм означает разрыв с идеей «власти от Бога» и частичную или полную ее передачу отдельным слоям народа (сословиям, классам) либо народу в целом. В Российской империи с ее укладом жизни, основанным на православной культуре, такой подход не мог иметь широкой поддержки.

Конституционализм в России

Россия никогда не стояла в стороне от изменений, происходящих в мире, и идея конституционализма постепенно находила признание в образованных слоях российского общества. Сложно определить, когда именно начался этот процесс. В созданном в 1802 году журнале «Вестник Европы», выпускавшемся под редакцией Н.М. Карамзина, материалы о конституционном праве в европейских странах публиковались, начиная со второго номера. Неудачная попытка Михаила Сперанского осуществить в 1809–1811 годах реформу государственного устройства, сообразуясь с идеями Просвещения, свидетельствует о том, что конституционализм к тому времени уже пустил корни в сознании высшей управленческой элиты.

Отечественная война 1812 года привлекла внимание к общественно-политическим трансформациям, происходившим во Франции в предшествующие десятилетия. Кроме того, в 1815 году в состав Российской империи вошло Царство Польское, для которого была разработана Конституционная хартия. Существование в рамках самодержавной империи обособленного государственного образования с конституционным устройством (в определенной степени это касалось также Великого княжества Финляндского) не могло не вызывать живого интереса как у административно-бюрократической прослойки, так и в среде европейски ориентированного дворянства, тем более что вскоре после утверждения Конституции Царства Польского проект аналогичного документа (под названием «Государственная уставная грамота») разрабатывался и для Российской империи.

4 сентября 1817 года во время своего путешествия в Киев российский государственный деятель, князь Иван Долгоруков записал в своем дневнике: «Конституция есть коренной и непреложной закон. Достоинство ее главное состоит в том, чтоб оберегать права свободного народа, назнача им предварительно сущность и предел. Это – конкордат между Царем и подданным, силою которого первый и последний, зная свои взаимные отношения, нарушать их не могут. Прекраснейший идеал! Посмотрим его в исполнении.

Что такое Царь? – Человек! Следовательно, имеет страсти и пороки. Звание дает ему власть, войска силу, деньги способы. Сими важными рычагами ворочает он Царство с боку на бок. Хочет – и приказывает; велит – и движутся. Золотом покупает он согласие, оружием усмиряет возражения: что же значат права? Они суть только наименование такого добра, которого народ никогда иметь не может; ибо право бывает между равными, никогда между подвластным и властелином. Закон – книга, по которой назначено мое право; но если читает в ней деспот, то толкует его по произволу, и где находит себе противоречие, там на штыках заставляет молчать и повиноваться. Царь добрый – сам конституция и без написанного закона; Царь жестокий не послушается и каменных скрижалей… Добро и зло в народоправлении происходит от нравственности управляющего оными. **Дело в человеке, а не в хартии…**» [Долгоруков, 1870. С. 156–158].

Как известно, в декабре 1825 года узким кругом дворян была предпринята попытка насильственного изменения существовавшего в России строя, в том числе под лозунгами перехода к конституционному устройству государства. Она вошла в историю под названием «восстание декабристов». Традиционно принято останавливаться на ней отдельно и в преподавании истории, и в популяризаторской культурной практике, однако не стоит забывать слов В.И. Ленина: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» [Ленин, 1973. С. 261–262]. Идея конституционализма не пользовалась широкой популярностью вне этих слоев.

Десятилетие спустя, в 1836 году, известный литератор и педагог Иван Кулжинский писал: «Правитель державы, как глава великого тела, естественно должен быть *один*; иначе – из политического тела выйдет нечто уродливое. Поручая *одному* свою безопасность и все труды управления, народ непременно должен отказаться всякого самовластия: ибо без подобного самоотвержения, и без подобной взаимной обмены обя-

занностей, не может существовать никакое общество, ни в малом, ни в большом виде. Кроме этой отрицательной обязанности, народ обязан еще своему Самодержцу положительным, безусловным повиновением; иначе – распоряжения власти для общего добра не могут быть приводимы в исполнение… Между Царем и народом находятся законы. Самые лучшие законы нигде с такою скоростью не могут быть исполняемы, как в монархическом Государстве. В пособие себе, по исполнению законов и по управлению вообще, Государь сам из своих подданных избирает себе верных слуг и уделяет им часть власти, чтоб они действовали его именем, для блага своих братий. Вот основные черты Монархии самой естественной и благоразумной!.. Подивитесь же находчивости духа злобы и несогласий! Будучи не в состоянии сказать что-либо в пользу республик, которые всем надоели, сей адский дух выдумал в монархиях – *конституции*! Все виды конституционного правления, нося в себе семя республики, неестественны, искусственны и служат доказательством не большого просвещения, но испорченной нравственности и преступной гордости народов. Вместо теоретических доказательств укажем на Историю и на современные происшествия света. Некоторые Государства уже пали от своих конституций, а другие страдают от постоянных беспокойств и волнений…» [Кулжинский, 1836. С. 46–48].

Стоит заметить, что именно в те десятилетия само понятие конституции наполнялось в русском сознании конкретным содержанием. Еще в 1830 году «Ручной словарь употребительных технических слов из наук, искусств и художеств…» определял его как «учреждение, устав, собрание коренных законов гражданских или духовных, всеобщих или частных, составляющих правление какого-либо народа» [Ручной словарь употребительных технических слов..., 1830. С. 78]. Именно в таком значении слово «конституция» встречается в литературе того периода применительно к истории древних государств (в первую очередь, античной Греции). Однако уже в 1845 году «Карманный словарь иностранных слов, вошедший в состав русского языка» дает этому понятию более широкое толкование: «Слово это в обширном смысле значит – государственное устройство, организм государства. В этом значении всякое государство, т.е. всякое общество, признающее над собою какую-нибудь власть, имеет конституцию. В тесном же смысле под конституцией разумеется такой образ правления, в котором верховная власть разделена между монархом и *выборными* от народа. Последние называются *представителями* или *депутатами*… а потому и самое конституционное правление носит также название *представительного*…» [Карманный словарь иностранных слов, 1845. С. 133–134].

Распространению того или иного понятия всегда способствуют либо препятствуют объективные и субъективные факторы: доступность и уровень развития системы образования, транспортная система страны, существующие технологии передачи информации, действующие ограничения на ее распространение, степень открытости к зарубежным влияниям, особенности общественного устройства и т.п. Совокупность этих условий до второй половины XIX века не позволяли идее конституционализма проникнуть и закрепиться в российском обществе, в особенности в первое время после европейских революций 1848–1849 годов.

Существенный толчок в преодолении этих препятствий дали реформы Александра II. Необходимость развития капиталистических отношений и освобождения крестьян от крепостной зависимости потребовали создания системы массового начального образования, следствием чего стало общее повышение уровня грамотности в стране. Активно развивалась телеграфная связь, строились железные дороги. Судебная, земская и городская реформы вместе с развитием частного предпринимательства породили потребность в квалифицированных юридических кадрах, специализирующихся в различных отраслях права. За несколько предшествующих десятилетий сформировался слой *разночинцев* – людей свободного труда, не связанных табелью о рангах и необходимостью служения государству, из которых впоследствии выросла интеллигенция. В то же время общество было взбудоражено реформами, а следовательно, обсуждение возможных путей развития страны активизировалось. В первую очередь, это касалось начавшейся в 30-е годы XIX века дискуссии между славянофилами и западниками.

Общенациональный книжный рынок обогатился доступными изданиями самых разных видов и жанров, для различных целевых аудиторий. Конституция начинает упоминаться в художественных произведениях, в том числе переводных, а затем и в массовой познавательной литературе [Водовозова, 1875–1883]. Возникает специализированная юридическая литература, затрагивающая в том числе вопросы конституционного права различных государств. Среди регулярных публикаций такого рода стоит выделить «Временник Демидовского юридического лицея», выпускавшийся в Ярославле с 1872 года.

В тот период активно издавались дневники, мемуары и переписка известных деятелей прошлого, где затрагивались темы конституционных реформ начала XIX века и восстания декабристов. В 1870 году начал выходить массовый ежемесячный журнал для семейного чтения «Нива». На протяжении всего времени выпуска этого журнала, вплоть до 1918 года, тематика конституции была всегда представлена на его страницах.

Значительно усилила интерес к конституционным проблемам Русско-турецкая война 1877–1878 годов и последовавшее за ней в 1879 году принятие Конституции Болгарского княжества, нашедшее отражение как в публицистике, так и мемуаристике. Особую роль в осознании российским обществом развития новых идей в историческом контексте сыграл «Курс русской истории» Василия Ключевского (1878).

Вопрос о конституции постепенно проникает в сатиру. К 1876 году относится знаменитая фраза М.Е. Салты-

кова-Щедрина: «Чего-то хотелось: не то конституций, не то севрюжины с хреном…». Эта тема встречается и в его «Истории одного города» (1869–1870), и в «Пошехонских рассказах» (1886). Впрочем, писатель критикует, скорее, не саму концепцию конституционализма, а способность чиновничества без какой-либо собственной позиции гибко подстраиваться под мнение начальства, в том числе и в этом щекотливом вопросе. Лишь в «Пестрых письмах» (1886) проявляется ироничное отношение автора: герой письма №2 Никодим Лукич Передрягин, оказавшись против своей воли в медвежьей стране, пишет для нее зимнюю Конституцию, состоящую из единственной статьи: «С наступлением зимы всякий да заляжет в берлогу и да сосет лапу» [Салтыков-Щедрин, 1974. С. 243–244].

В сборнике стихотворений И.В. Федорова (Омулевского) «Песни жизни», изданном в 1883 году, есть стихотворение «Документы», в котором конституция трактуется как разрешение верховной власти делать все, что ей заблагорассудится:

Лев уж искони меж них
Королем считался гласно:
Жрал он подданных своих
Конституции согласно... [Федоров, 1883. С. 472].

Так или иначе, традиционный подход к конституционализму еще долгое время оставался доминирующим. Вот что писал в 1886 году редактор газеты «Московские ведомости» славянофил Михаил Катков: «Говорят, что Россия лишена политической свободы; говорят, что хотя русским подданным и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имеют прав политических.

Русские подданные имеют нечто более, чем права политические, они имеют политические обязанности.

Каждый из русских подданных обязан стоять на страже прав Верховной Власти и заботиться о пользах государства. Каждый не то что имеет только право принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользах, но призывается к тому долгом верноподданного.

Вот наша конституция. Она вся без параграфов содержится в краткой формуле нашей государственной присяги на верность. Вот наши политические гарантии… Надобно только, чтобы мы поняли эту конституцию нашу во всей ее силе и умели бы ею пользоваться должным образом в устройстве и ведении наших дел» [Катков, 1898. С. 3].

Что же стало причиной такого консерватизма российского общества? Видимо, в первую очередь то, что славянофилы, опираясь на господствовавшую религию (православие), располагали мощной системой воздействия на массовое сознание: церковными проповедями, – в то время как западники могли использовать для легальной пропаганды своих идей только возможности подцензурной прессы. Впрочем, на стороне западников были и эмигрантские русскоязычные издательства, вносившие, начиная с «Колокола» и «Полярной звезды» Герцена, активный вклад в развитие общественной мысли в России. Лишь Великая русская революция, результатом которой стало отделение церкви от государства, позволила принять первую конституцию в ее современном смысле.

Первая конституция и развитие общественного правосознания

10 июля 1918 года Конституция РСФСР была принята V Всероссийским съездом Советов. Страна наконец получила конституционное устройство. В честь этого события 7 ноября 1918 года на Советской (ныне Тверской) площади Москвы был открыт монумент Советской Конституции, дополненный в июле 1919 года статуей Свободы. На боковых стенках пьедестала, в нишах, был выгравирован текст Конституции РСФСР. «Каждому интересующемуся мы скажем: если ты хочешь знать, за что мы боремся, приди сюда, к этому памятнику, и прочитай наши основные законы, в которых мы провозгласили, что только трудящиеся, только мозолистые руки имеют право на власть. Читай, как мы отобрали: у помещиков – их земли, у капиталистов – фабрики и заводы, у банкиров – банки. Это написано теперь на камне, это обильно полито кровью наших братьев», – так охарактеризовал смысл монумента председатель Моссовета Лев Каменев, выступая на открытии статуи Свободы 27 июля 1919 года. Его мысль продолжил нарком просвещения РСФСР Анатолий Луначарский: «Советская Конституция, помещенная здесь внизу, – основной кристалл, вокруг которого сложится новый, солнечный порядок»[1].

Изображение монумента было помещено на гербе Москвы и оставалось на нем вплоть до 1993 года. В 1926 году вышла почтовая марка, посвященная Международному конгрессу эсперантистов в Ленинграде. На ней также был изображен этот монумент – по-видимому, как единственный на тот момент символ победы революции.

К сожалению, московский монумент конституции весной 1941 года был уничтожен (на его месте после Великой Отечественной войны установили памятник Юрию Долгорукому). О причинах уничтожения достоверной информации не существует. Предположительно, на это повлияло сразу несколько факторов. Во-первых, установленный в спешке памятник был изготовлен из подручных материалов, и к концу тридцатых годов он нуждался в реставрации. Во-вторых, саму идею (отсылающую нас к обнаруженному французскими археологами в начале XX века столбу с законами Хаммурапи) поместить на боковых стенах монумента текст действующей конституции в расчете на ее неизменность следует признать опрометчивой. Но главная причина, судя по всему, состоит в другом: из-за чего бы ни возникал общественный раскол, как бы ни был он освящен стремлением к справедливости, – рано или поздно

1 «Известия», № 165(717), 29 июля 1919 года. С. 2.

возникает необходимость его преодолевать, создавать условия для национального примирения. Находившийся у всех на виду текст первоначальной, принятой в обстановке революционной борьбы, конституции не мог этому способствовать.

Интересно, что аналогичный по замыслу и исполнению (за исключением статуи Свободы) памятник в городе Вольске Саратовской области, заложенный чуть позже, 2 мая 1920 года, сохранился до наших дней: возможно, именно потому, что, вопреки первоначальному замыслу, на боковых стенах поместили не весь текст Конституции 1918 года, а только несколько ключевых фрагментов, не включавших в себя положений о диктатуре пролетариата. К сожалению, на сегодняшний день нет никакой информации, существовали ли подобные памятники в других городах.

К моменту принятия Конституции СССР 1936 года в стране произошли существенные изменения. Завершился план ГОЭЛРО, активно шла индустриализация, с помощью радиовещания и кино быстро формировалось единое, не разделенное сословными барьерами культурное пространство. Были достигнуты значительные успехи в преодолении неграмотности. Широкое распространение получили грампластинки. Все это давало новые возможности для пропаганды конституции. Стоит обратить внимание и на другие, не менее важные факторы. Во-первых, механизм всенародного обсуждения, впервые использованный для доработки Основного закона, сам по себе сыграл очень важную роль для формирования конституционного правосознания в широких слоях общества. Во-вторых, смысл принятия новой конституции заключался в том, чтобы подвести черту под гражданской войной (в частности, реабилитировать казачество), отказаться от практики ограничений в правах по признаку социального происхождения, постепенно трансформировать государство диктатуры пролетариата в общенародное. Принятие Конституции 1936 года (так называемой «сталинской») – акт общенационального освобождения от отрицательного опыта прошлого (и, судя по всему, многие в то время хорошо это понимали).

Сразу после принятия конституции был выпущен сборник «Сталинская Конституция в поэзии народов СССР». Бóльшая часть стихов, в нем опубликованных, посвящена непосредственно Сталину, но есть и такие, где непосредственно говорится об Основном законе:

Что у них одни колючки – острые да спорые,
А у нас, у нас березы – сребро-белокорые,
Буржуазные «свободы» – куцые да хворые,
Наше ж право, право равных – первый раз
в истории!
Наше право золотое,
Как советские года!
Молодое и такое,
Как нигде и никогда!

Ой, гнилое ж право панства
по своей «правдивости»;
Из болота всяких цензов бедняку не вылезти,
Ищет он, бедняга, права,
как какой-то милости, –
Наше ж право, право равных –
право справедливости!

Что банкирам служит бедный
той спиной горбатою,
Скоро в жизни им предстанет
грозною расплатою, –
Мы горды геройством, честью,
родиной богатою,
Женщина у нас забыла долю распроклятую!

То, что нам когда-то было
лишь мечтой заветною,
Стало жизнью дорогою, жизнью огнецветною,
Демократия лилеей расцвела бессмертною,
Стали мы теперь надеждой
бедняков всесветною!

Павло Тычина

Путь нашей родины – он ясен
И героически велик,
Неузнаваемо-прекрасен
Ее преображенный лик.

Все захватил – и центр, и дали –
Могучий творческий циклон.
Нам радость жизни создал **Сталин**
И воплотил ее в **Закон**.

В словах Закона отраженный,
Сверкает радостной главой
И день рабоче-напряженный,
И отдых послетрудовой.

Учебы юношеской ярость
Научных гениев родит,
И обеспеченная старость
На юность с гордостью глядит.

Демьян Бедный

[Сталинская Конституция в поэзии, 1937. С. 301–302, 335].

В 1936 году на экраны вышел кинофильм «Цирк». Вошедшая в этот фильм «Песня о Родине», написанная И. Дунаевским на стихи В. Лебедева-Кумача, быстро стала неофициальным гимном страны; она исполняется до сих пор. Позывные «Широка страна моя родная», ставшие символом Московского радио, и в наши дни используются Радио России не только перед традиционной Минутой молчания в День Победы, но и перед трансляцией ключевых выступлений Президента Российской Федерации. После принятия Конституции «Песня о Родине» была дополнена новым куплетом:

За столом – никто у нас не лишний,
По заслугам каждый награжден.
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный Сталинский Закон.
Этих слов величие и славу
Никакие годы не сотрут:
Человек всегда имеет право
На ученье, отдых и на труд [Там же. С. 361].

Это далеко не единственная песня, посвященная Конституции СССР 1936 года. В «Каталоге советских

пластинок», который создается в интернете энтузиастами и далеко не полон, указаны записи композиций на эту тему на нескольких языках народов СССР. Всесторонне судить о количестве, авторстве и содержании таких песен можно будет только после целенаправленной работы с материалами Российского государственного архива фонодокументов. Некоторые аудиозаписи тех лет, впрочем, доступны на специализированных ресурсах в интернете уже сейчас:

Ручейками песни льются
В песнях бодрые слова.
В конституции даются
Всем большие нам права.
Из народной песни[2]

Конституцию издали,
Всем нам право равно дали
На свободну жизнь.

Так, как Сталин наш мудрец,
Конституции творец.
Из народной песни на слова колхозника Ольховского[3]

Несмотря на то, что время частого сочинения произведений такого рода, причем иногда непрофессиональными авторами, приходится на 1936–1937 годы, тематика Сталинской Конституции звучала в песнях и позднее. Рассмотрим текст 1949 года – за авторством Анатолия Лепина и Михаила Матусовского:

Поколенья боролись, мечтая
О сегодняшнем дне торжества.
Есть в Отечестве книга большая,
Где записаны наши права.
В ней основы незыблемой власти
И в грядущее новый маршрут.
В ней записано право на счастье,
На полет, на дерзанье, на труд.

Ты сберег ее в битвах суровых,
Ты прошел под огнем и свинцом.
Перечти ее снова и снова,
Восхищаясь великим творцом.
В этой книге пути миллионов
Словно в солнечный полдень ясны.
Это высший закон всех законов –
Конституция нашей страны[4].

Обсуждение и принятие проекта Конституции СССР 1936 года нашло отражение и в изобразительном искусстве. В первую очередь стоит обратить внимание на работы Василия Яковлева «Старатели пишут письмо творцу Великой Конституции» (1937), а также Василия Сварога «Доклад И.В. Сталина на Чрезвычайном VIII съезде Советов о проекте конституции СССР» (1938).

Что касается почтовых марок, посвященных сталинской Конституции, то, судя по официальному «Каталогу советских почтовых марок 1918–1980», изданному в 1983 году, их количество было небольшим. В 1952 году, к 15-летию Конституции, был выпущен набор из четырех марок, посвященный правам, которые гарантировал Основной закон. В 1961 году, уже при Хрущеве, появилась еще одна марка, посвященная четвертьвековому юбилею Конституции. В 1972 году тема конституции была отражена на одной из марок серии «К 50-летию образования СССР». До принятия в 1977 году новой конституции марок на эту тему больше не выпускалось.

После Великой Отечественной войны тематика государственного устройства СССР начинает проявляться в детской литературе. Здесь стоит выделить два стихотворения Сергея Михалкова: «Разговор с сыном» (1949) и «Быль для детей» (первая редакция – 1944 года). В обоих стихотворениях конституция не упоминается прямо, но конституционная проблематика все равно затрагивается (государственное устройство, общенародная собственность и др.).

Нельзя не отметить огромной роли, которую играла в советский период наглядная агитация. Это не только плакаты, но и мозаичные панно на стенах домов, и многочисленные лозунги на их крышах, и стелы на поворотах дорог. Такие средства воздействия на массовое сознание использовались в пропаганде советских конституций, однако в настоящее время сложно сформировать об этом целостное представление.

В советском художественном кино конституционная проблематика освещается почти исключительно в историческом контексте. Среди примеров можно выделить следующие: «Корабли штурмуют бастионы» (1953), «Шестое июля» (1968), «Звезда пленительного счастья» (1975). Единственным исключением стала комедия Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» (1966), где ссылка на конституцию звучит в зале суда над Юрием Деточкиным. Однако тот факт, что к Основному закону апеллирует отрицательный герой, однозначно характеризует ситуацию в сатирическом ключе.

Проект Конституции 1977 года и ее отражение в культуре

К 60-летию Октябрьской революции, в 1977 году, руководство СССР решило подвести промежуточные итоги развития страны и вынесло на всенародное обсуждение проект новой конституции. По сравнению с 1936 годом, такое обсуждение было более формальным и не вызвало энтузиазма. Новый Основной закон не внес в повседневную жизнь людей значительных изменений. Тем не менее, советская пропаганда оставила заметный след и в этом случае. В 1977 и 1978 году Министерство связи СССР выпустило две почтовых марки и четыре блока, посвященных конституции. Было издано большое количество плакатов в современном для того времени дизайне. Появилась литература для детей: «Слово о Великом Законе» Зои Воскресенской (1977), «Наше государство»

2 Много звезд на небе светит. Советская музыка: http://sovmusic.ru/text.php?fname=chastush

3 Веселая колхозная. Советская музыка: http://sovmusic.ru/text.php?fname=kolhoz2

4 Золотая книга. Советская музыка: http://sovmusic.ru/text.php?from_sam=1&fname=s16096

Евгения Пермяка (1977), «Закон твоей жизни» Юрия Яковлева (1979). Из детских книг, не посвященных непосредственно конституции, но затрагивающих эту тему, стоит отметить развернутый очерк Георгия Кублицкого «Твоя Родина — Советский Союз» (1979).

Через два дня после принятия новой конституции на первой странице газеты «Правда» под заглавием «Высокий свет» появились стихи украинского поэта Дмитро Луценко в переводе Ильи Вылегжанина:

В твоих статьях –
и грозы Революций,
когда под ветром пенилась Нева,
и свет, и мудрость первых конституций,
где щедро отчеканены права:

Права на хлеб
и угольные лавы,
на мощь плотин и радуги долин.
На все богатство ленинской державы,
от фабрик и заводов до зернин.

В твоих статьях –
и разум наш, и руки,
порыв сердец и Родины слова:
чтоб свято берегли сыны и внуки
завещанные Лениным права.

Права на труд
и звезды гордой славы,
полеты в космос, крылья добрых сил.
Закон великой ленинской державы
дорогу к коммунизму озарил.

Шумит земля колхозными хлебами,
и мы берем высоты мастерства.
Народам-братьям светят над мирами
Великой Конституции слова –

Права на мир
и подвиг величавый
во имя счастья всех племен и рас.
Закон могучей ленинской державы
На труд великий вдохновляет нас.[5]

Однако в советской песне Конституция 1977 года по каким-то причинам почти не получила отражения. Одно из единичных исключений – сочинение Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Прекрасная, как молодость, страна» из цикла «Отчизна», посвященного 60-летию Октября:

Мы стали сильнее, чем были вчера.
Для новых свершений настала пора.
Превыше всех огненных звезд вознесен
Великой Державы Великий Закон.
Мы сами, как лучшую песню свою,
Сложили его в нашем дружном строю.
В нем наши заботы, в нем наши права,
Родные для каждого сердца слова
[Пахмутова, 1979. С. 4].

Это произведение весьма показательно, поскольку демонстрирует очень важную перемену в общественном сознании. Конституция 1936 года в момент ее принятия связывалась обществом с именем Сталина и осталась такой в памяти народа. После XX съезда КПСС было принято решение воспевать «партию» – «руководящую и направляющую силу советского общества», как это сформулировано в Конституции 1977 года. Но в данной песне новая конституция предстает результатом коллективного творческого труда всего советского народа.

Принятие Конституции 1977 года не оказало непосредственного влияния на советское художественное кино (в отличие от документалистики). В выпущенном в 1980 году аннотированном каталоге фильмов «Человек и закон» к разделу «Конституция СССР – Основной Закон нашей Родины» отнесены только восемь кинофильмов общей продолжительностью 160 мин., и все они документальные. Впоследствии к 60-летию СССР была снята посвященная основам советской жизни документальная киноэпопея «Правда великого народа», где часто цитируются или упоминаются те или иные статьи Конституции.

Чем можно объяснить тот факт, что на протяжении почти всего советского периода истории нашей страны тематика конституционализма возникала в культуре лишь как следствие государственной политики, в рамках той или иной пропагандистской кампании, и только изредка – как проявление инициативы снизу? Прежде всего тем, что Советский Союз во многом оставался традиционным обществом, а при таком укладе правовые нормы, не являясь результатом общественного договора между самодостаточными личностями, вторичны по отношению к более общим принципам жизнеустройства. Не случайно, что в СССР открыток, посвященных Дню Конституции, почти не выпускалось, и даже в системе детсадовских утренников, которая закладывала в советском ребенке первоначальные представления о праздниках, этот день, по крайней мере в конце 1970-х – начале 1980-х годов, по воспоминаниям автора, никак не отмечался.

Напротив, в неподцензурной эмигрантской литературе тема конституции время от времени возникала. Характерный пример – сатирический роман-антиутопия Владимира Войновича «Москва 2042». Приведем полностью единственное упоминание в тексте о конституции: «Относительно потребностей я узнал, что их руководство Москорепа делит на несколько категорий. Общие потребности состоят из дыхательных, питательных, жидкостных, покровных (одежда) и жилищных. Удовлетворяются ими все без исключения комуняне, и право на них указано в первом параграфе Конституции Москорепа: „Каждый человек имеет право дышать воздухом, поглощать пищу, удовлетворять жажду, покрывать свое тело соответствующей сезону одеждой и жить в закрытых помещениях“. Эти потребности установлены научно и удовлетворяются полностью» [Войнович, 2017. С. 226]. Можно предположить, что с точки зрения Войновича, как и с точки зрения Салтыкова-Щедрина, обозначенной в «Пестрых письмах», конституция – это перечень очевидных вещей, банальностей. Однако Войнович идет дальше, так как демонстрирует,

5 «Правда», № 282, 9 октября 1977 года. С. 1.

что конституционное закрепление прав человека можно легко превратить в их максимальное ограничение.

Заключение

Начавшаяся в 1985 году перестройка положила конец государственной монополии в области информации. Отлаженная система советской пропаганды ушла в прошлое. Изменилось ли конституционное правосознание российского общества с принятием в 1993 году новой Конституции, провозгласившей нашу страну правовым государством? Находит ли оно отражение в современной культуре? Увы, но следует признать, что почти нет. Общество, формально претендующее на то, чтобы быть свободным и ответственным, не предпринимает практически никаких усилий, чтобы воспитать в своих членах свободу и ответственность, а значит, не в состоянии самовоспроизвести себя с помощью усилий «снизу». Популярных изданий по конституции, в том числе ориентированных на детей, практически не существует. Начиная с 1995 года, в России были выпущены только три почтовых марки, посвященных Основному закону (впрочем, есть вероятность, что в нынешнем юбилейном году выйдет в свет и четвертая). В одном из многочисленных проектов текста гимна России на музыку Глинки, рассматривавшихся специальной комиссией в 1990-е годы, упоминалась «конституция прав и свобод» – однако этот проект, как и сотни других, не получил одобрения.

Возможно, в Российской Федерации пока не возникли условия для устойчивого, не вызванного к жизни той или иной политической доктриной, конституционализма, который поддерживал бы сам себя с помощью механизмов культуры. Но, возможно, проблема в чем-то другом, и требуется определить, в чем именно. Этому должна поспособствовать ведущаяся в настоящее время оцифровка коллекций крупнейших архивов и библиотек, открывающая доступ к огромному объему информации, часто ускользающей от исследователя. Системная проработка вопроса о проявлениях идеи конституционализма в современной российской культуре должна стать частью отдельного большого проекта.

Литература

Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов: В 3-х т. СПб.: Типография Ф. Сущинского, 1875–1883.

Войнович В.Н. Москва 2042. М.: Издательство «Э», 2017. 448 с.

Долгоруков И.М. Путешествие в Киев в 1817 году. М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1870. 208 с.

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. СПб.: Типография губернского правления, 1845. 324 с.

Катков М.Н. О современных вопросах России. М., 1898. 42 с.

Кулжинский И.Г. Эмерит. Литературные очерки. М.: Типография А. Семена, 1836. 108 с.

Ленин В.И. Памяти Герцена // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. М., 1973. 425 с.

Михалков С.В. Стихи для детей. Иваново: Ивановское областное гос. издательство, 1952. 176 с.

Пахмутова А.Н. Отчизна: Цикл песен: для солистов и хора в сопровожд. ф.-п. / Стихи Н. Добронравова. М.: Сов. композитор, 1979. 27 с.

Ручной словарь употребительных технических слов из наук, искусств и художеств, или Маленькая энциклопедия. М.: Типография С. Селивановского, 1830. 237 с.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16(I). М.: Художественная литература, 1974. 531 с.

Сталинская Конституция в поэзии народов СССР / Под ред. и с прим. В. Мусаэляна. М.: Художественная литература, 1937. 544 с.

Федоров И.В. (Омулевский). Песни жизни. Стихотворения. СПб.: Типолитография А.М. Вольф, 1883. 498 с.

Gerstenberg O. Negative / positive constitutionalism, «fair balance», and the problem of justiciability. *International Journal of Constitutional Law.* 2012. Vol. 10. Issue 4. P. 904–925.

References

Dolgorukov, I. M., Journey to Kiev in 1817. M.: Publication of the Imperial society of Russian history and antiquities at Moscow University, 1870. 208 p. In Russian

Fedorov, I. V., (Omulevsky). Songs of life. Poems. St. Petersburg: The lithographic printing of Wolf, A. M., 1883. 498 p. In Russian

Gerstenberg, O., Negative / positive constitutionalism, 'fair balance', and the problem of justiciability. In: *International Journal of Constitutional Law*. 2012. Vol. 10. Issue 4. P. 904–925. In English

Katkov, M. N., On modern issues of Russia. M., 1898. 42 p. In Russian

Kulzhinsky, I. G., Emeritus. Literary Essays. M.: Printing house of Semen, A., 1836. 108 p. In Russian

Lenin, V. I., In Memory Of Alexander Herzen. Complete set of works. Vol. 21. M., 1973. 425 p. In Russian

Manual dictionary of commonly used technical words from the sciences and arts, or Little Encyclopedia. M.: Printing house of Selivanovsky, S., 1830. 237 p. In Russian

Mikhalkov, S. V., Poems for children. Ivanovo regional state publishing house, 1952. 176 p. In Russian

Pakhmutova, A. N., Fatherland: Cycle of songs: for soloists and choir with piano accompaniment / Verses by Dobronravov, N.. M.: Soviet composer, 1979. 27 p. In Russian

Pocket dictionary of foreign words included in the Russian language, published by Kirilov, N.. St. Petersburg: Printing house of provincial government, 1845. 324 p. In Russian

Saltykov-Shchedrin, M. E., Collected works: In 20 vol. Vol. 16(I). M.: Hudozhestvennaya literatura, 1974. 531 p. In Russian

The Stalin Constitution in the poetry of the peoples of the USSR / Ed. by Musaelyan, V.. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1937. 544 p. In Russian

Vodovozova, E. N., The life of European nations: In 3 vol. St. Petersburg: Printing house of Sushchinsky, F., 1875–1883. In Russian

Vojnovich, V. N., Moscow 2042. M.: publishing house 'E', 2017. 448 p. In Russian